

Ненависть к великому русскому писателю — это ненависть к России

КОГДА СТУДЕНТОМ почти полвека назад читал я в только что вышедшем первом номере новой газеты «Советская Россия» обращение Михаила Александровича Шолохова, был убежден, что это большое событие для всех. Еще бы! Живой классик, великий советский писатель, русский гений напутствует новорожденное издание.

Крупнейшие литературные авторитеты мира высоко оценили нашего соотечественника и современника. Но, оказывается, уже к тому времени, то есть до печально знаменитых солженицынских «изысканий», кое-кто смотрел на Шолохова совсем иначе, нежели, скажем, Ромен Роллан или Горький. И оценку ему давали абсолютно другую.

Вот слышали вы что-нибудь про Бенедикта Сарнова? Не слышали? А между тем этот литературовед довольно преклонного возраста приступил теперь к изданию своих воспоминаний, где как раз очень своеобразно коснулся шолоховской темы.

Приведу ключевой эпизод дословно, поскольку без утраты впечатления невозможно это пересказать. Итак:

«Однажды (году в сорок восьмом), держась, как обычно, за руки, шли мы с моей любимой по Тверской и остановились перед портретами писателей, выставленными в витрине книжного магазина — того, что напротив Моссовета. Он и сейчас еще существует, этот магазин, и в витринах его и сейчас можно увидеть портреты писателей. Но теперь это — совсем другие портреты: Высоцкий, Окуджава... А тогда это были — сплошь титулованные, увенчанные всеми мыслимыми и немыслимыми регалиями члены ЦК (Фадеев), депутаты Верховного Совета (Эренбург)... На самом видном месте там красовался портрет автора (если уж совсем точно — того, кто считался автором) «Тихого Дона».

И вдруг моя спутница сказала:

— Какое ничтожество — Шолохов!»

Прочитав это, я, конечно, оторопел. Ну надо же: «ничтожество»! А как отреагировал на такую оценку из уст любимой юный литературовед, бывший в то время студентом Литературного института?

«В первую секунду я был этим определением слегка шокирован (подчеркнуто мною. — В.К.). Хотел было уже даже что-то возразить. Но тут же понял...»

Что понял Бенья и почему не возразил? Понял, видите ли, «что она имеет в виду только внешнее, зрительное впечатление, что эта ее реакция вовсе не распространяется на писателя Шолохова. Это был очень поверхностный, чисто женский взгляд».

Ну так ты с этим взглядом поспорь, коли он такой поверхностный, а потому неверный!

Однако тут же следует комментарий от Сарнова: поверхностный — это, оказывается, и есть самый верный. Пустившись в рассуждения об ответственности человека за свое лицо и сославшись на Оскара Уайльда, что первому впечатлению о человеке надо доверять, Бенедикт делает весьма глубокий вывод: «...Ведь первое наше впечатление определяет не разум (очень несовершенный, в сущности, инструмент), а весь наш организм, все таящиеся в нем древние, еще звериные инстинкты».

Так вот, звериный инстинкт подруги немедленно пробудил зверя и в Бене. «У меня, — пишет он, — вдруг словно открылись глаза». И что же этими открывшимися глазами увидел?

«Довоенный — молодой, большелобый — Шолохов тоже не шибко был похож на писателя (! — В.К.). Но ничтожеством, во всяком случае, не казался. А тут — невзрачное какое-то, мелкое личико, усишки... Я вдруг увидел: в самом деле — ничтожество».

г

Согласитесь, сильна оказалась подруга, вмиг образумившая недостаточно зрячего к тому времени молодого литератора.

Конечно, тут все шито белыми нитками, и никакой подруги, может, вообще не было. Обратите внимание: сперва «ничтожная» внешность человека отделяется от него как от писателя, потом, наоборот, именно по внешности делается заключение, что писатель он «ничтожный» или даже совсем не писатель: «не шибко похож». Словом, заданность стопроцентная.

«Это впечатление, — продолжает Сарнов после первого эпизода, — подтвердилось и окончательно укрепилось позже, когда я увидел его (Шолохова. — В.К.) вживе: это было несколько лет спустя, на совещании молодых писателей, он там выступал перед нами в маленьком, тесном зале, а я сидел совсем близко, в первом ряду. Вдобавок ко всему оказалось, что он — совсем небольшого росточка. Но главным, конечно, был не малый рост, а именно вот эта убийственная печать ничтожества, лежащая на его заурядном лице, на всем его невзрачном облике».

«Заурядное лицо», «невзрачный облик», «печать ничтожества»... Каково?! Ладно хоть малый рост признал «не главным». Но не оставил же и его не отмеченным — с явным удовольствием и даже злорадством. Будто талант писательский от физической высоты все-таки в чем-то зависит.

Словом, разум, как «несовершенный», в сущности, инструмент», Бенья отбросил полностью. Если бы не так, разве мог бы не вспомнить величайших по таланту, по гениальности, но отнюдь не по росту физическому, Пушкина или Лермонтова? Да ведь и Окуджава, писательский дар которого не вызывает, кажется, никаких сарновских сомнений, богатырским ростом не обладал. Кстати, а про Окуджаву — при желании — разве нельзя было бы сказать: «личико», «усишки»? Но удостоен столь уничижительных словечек, как видим, не он, а Шолохов. Так надо...

Совершенно непонятно, что же означает в представлении Сарнова «шибко быть похожим на писателя». Чем конкретно, скажем, тот же Булат Шалвович похож, а Михаил Александрович — ну ни в какую? Вряд ли верит Сарнов всерьез, будто «невзрачность» лица обязательно свидетельствует о «ничтожестве» таланта. Слишком много в истории мировой культуры фактов, которые напрочь опровергают это. Трудно подсчитать, но, может быть, «невзрачных» на вид талантов и гениев гораздо больше, нежели «представительных».

К тому же невзрачность или представительность, некрасивость или красота в значительной мере бывают относительны. Подвержены субъективности взгляда, которая, в свою очередь, зависит от того или иного отношения к человеку в целом. Уважаешь, любишь его — и видится он тебе если не полным красавцем, то симпатичным почти непременно. И наоборот.

О том, как Шолохов был красив, по-моему, объективно свидетельствуют все его фотографии. Красив он был и «довоенный — молодой, большелобый» (говоря словами самого Сарнова), и в последние годы жизни, когда мне дважды посчастливилось видеть его. Причем то была красота не только лица, но и освещавшего лицо могучего интеллекта, который буквально лучился в шолоховских глазах. Это многие отмечают в своих воспоминаниях о писателе. Помню, беседуя с Сергеем Федоровичем Бондарчуком, я спросил, каково было у него главное впечатление от первой встречи с автором «Тихого Дона» и «Поднятой целины».

— Впечатление было такое, — ответил великий мастер советского кино, — что я разговариваю с гением.

То же чувство пережил и Василий Макарович Шукшин, в котором встреча с Шолоховым все перевернула. А уж взгляд у кинематографистов на любого человека по-особому заостренный, и я здесь говорю о кинематографистах воистину выдающихся.

Да, любовь видит одно, а ненависть — совсем другое. Застит злоба сарновым глаза. Жгучая ненависть ослепляет. Именно ненавистью к великому русскому писателю, к России определяется их взгляд на Шолохова.

Но был, есть и будет иной взгляд! Его несет, в частности, новая книга, которая называется «Шолохов в фотографиях Николая Кочнева». Выпущена в серии «Воины духа» издательством «Княжий остров», которое возглавляет Юрий Сергеев — писатель и казак по рождению.

Я был невероятно рад этой книге. И радость удвоилась тем (наверное, многие меня поймут), что великолепная книга-альбом оказалась у меня одновременно с возмущившим сочинением Б.Сарнова. Прочитав приведенное выше, я снова и снова листал страницы альбома, вглядываясь в лицо любимого писателя на опубликованных снимках. Листал, вглядывался и думал: вот же оно, убедительное опровержение клеветы!

Пусть каждый, кто хочет, сравнит сарновское «зрительное впечатление» со своим собственным, обратившись к альбому Николая Кочнева! Этому замечательному мастеру можно доверять стопроцентно. Оговариваюсь потому, что хотя любая фотография — документ, но документы, мы знаем, тоже подделывают. Вот и фото, на нем ведь человека можно и приукрасить, и, наоборот, изуродовать. А снимки Николая Георгиевича Кочнева — это сама жизнь.

Коротко надо о нем сказать, о фотографе. Совсем юным в первые же дни Великой Отечественной ушел на фронт. При выходе из вражеского окружения, напорившись на засаду, был схвачен фашистами. После сорока девяти самых трагических дней своей жизни погибающий от голода советский солдат бежал, выпрыгнув на ходу поезда из люка товарного вагона, когда эшелон с пленниками направлялся в лагерь смерти в Шяуляй. Там зимой 1941—1942 годов фашисты уничтожили семьдесят тысяч советских военнопленных.

Литовские крестьяне помогли тогда укрыться беглецу. А после освобождения Литвы воевал до Победы, получив ряд боевых наград.

Будучи уже опытным фотохудожником, Кочнев снимал почти всех советских писателей, создавая постепенно свою уникальную портретную галерею, которую составили в конце концов тысячи снимков. Но самой большой его мечтой (издавна, от величайшей любви!) было именно это — «поснимать» Михаила Александровича Шолохова.

Мечта начала сбываться в 1960-м. Узнав, что писатель будет в редакции «Роман-газеты», где собирались в это время печатать вторую книгу «Поднятой целины», Кочнев помчался туда. Счастье! Удача! За четыре минуты удалось сделать 13 кадров.

А потом Николай Георгиевич снимал классика в течение десяти лет: на писательском съезде и на сессии Верховного Совета СССР, на торжественном вечере в честь его 60-летия и в родной Вешенской...

Особо отмечу вот что: Шолохов не любил позировать, и Кочневу, собственно, он не позировал никогда. Все это были в основном кадры не «постановочные», а репортерски «схваченные», и тем более велика, по-моему, их ценность. В подлинности, жизненности, абсолютной достоверности!

К сожалению, невозможно привести в газете все работы мастера — только портретов я насчитал здесь 72. А еще ведь и масса жанровых снимков, самых разнообразных... В общем, советую читателям обратиться к первоисточнику, к любовно изданной книге-альбому, которая должна бы стать достоянием всех истинно любящих отечественную литературу.

Но и две фотографии, которые видите вы на газетной странице, по-моему, категорически перечеркнут злобный навет сарновых, их неприязненное и ненавистническое «зрительное впечатление».

Смотрите и судите сами.

г

Кто-нибудь скажет: а стоило ли обращать внимание на этого Сарнова, да еще уделять ему столько места в газете? Мало ли какие глупости нынче издают — плюнуть и растереть. Так-то оно так. Я бы и плюнул. Но, во-первых, «зрительное впечатление», столь вызывающе растиражированное Сарновым, воспринял как совсем уж запредельное

оскорбление нашей национальной святыни, каковой, безусловно, является Шолохов. А во-вторых, злые сарновские строчки неотделимы от всего, что накручено клеветниками вокруг русского гения с маниакальной целью — уничтожить его. Недаром же, прибегая к излюбленному методу всех клеветников, Бенья бросает вскользь, как бы походя, в скобочках: «если уж совсем точно — того, кто считался автором». Теперь-то, мол, все сарновы знают: не автор, не автор...

Хотелось бы оставить за скобками надоевшую выдумку многолетней давности, с которой ненавистники России не расстанутся, конечно, никогда. Но вот вопрос: а кто правит сегодня в России? Не те ли самые ненавистники? Отношение к шолоховскому юбилею — 100-летию со дня рождения, исполнившемуся 24 мая сего года, продемонстрировало это абсолютно ясно.

Достаточно сказать, что первый канал телевидения в юбилейный день повторил клеветническую передачу о Шолохове, которая года два назад была резко осуждена Союзом писателей России, «Литературной газетой», многими патриотическими изданиями. Ведь завершают эту передачу слова одного из участников, смысл которых следующий: неважно, дескать, кто написал «Тихий Дон» — важно, что он есть. И это звучит, повторяю, в день юбилея автора «Тихого Дона»! Такое «поздравление» по центральному телевизионному каналу страны...

Что ж, чего хотел Михаил Ефимович Швыдкой — главный распорядитель кредитов в культуре, того и добился. А хотел он, конечно, чтобы юбилей великого русского писателя ни в коем случае не помог осознанию всеми подлинного его величия. Потому, еще будучи министром культуры, и предложил в юбилейном оргкомитете сосредоточить празднование «на Донской земле». Будто речь не о гении общенационального значения, не о классике мировой литературы, а о некоем «областнике»! И хотя с приходом нового министра культуры А.С. Соколова кое-что удалось поправить, в корне изменить ситуацию не получилось.

Вот, например, мне стало известно, что 10 июня (почему не 24 мая?) состоялся юбилейный Шолоховский вечер в Большом театре. Я уж не говорю про то, что Швыдкой до последнего против Большого театра категорически возражал. Но самое главное: кто в стране знает об этом вечере? Его не только не показали по телевидению, но даже не сообщили о нем! А это значит, для страны его просто не было.

Понятно, Шолохов — это же вам не Лион Измайлов или Аркадий Арканов, чьи юбилейные вечера не по одному разу (!) прогремели по главным телеканалам. Конечно, писатель Арканов для швыдких и сарновых куда выше писателя Шолохова...

Или еще. Согласно итоговой справке, представленной Шолоховскому оргкомитету Швыдким, из выделенных на юбилей денег лишь примерно одна двухсотая часть (!) была потрачена на издание произведений М.А. Шолохова и книг о нем. По причине отсутствия средств срывается подготовка Полного академического собрания сочинений классика и «Шолоховской энциклопедии».

Не пожелал Швыдкой помочь и выпуску факсимильного издания рукописей первой и второй книг «Тихого Дона», разоблачающих многолетнюю клевету. Зато едва появилось в Израиле очередное клеветническое сочинение некоего Бар-Селлы (просто-таки жуткий бред!) — немедленно издается и в России.

Могут ли быть после всего этого хоть малейшие сомнения, что в культуре России продолжает заправлять коллективный Сарнов—Швыдкой?

г

А в заключение все-таки еще несколько строк. Вот говорят о недопустимости разжигания национальной розни. И это вроде бы правильно, рознь не надо разжигать. Но опять вопрос: кто разжигает?

Оскорбление русской национальной святыни в лице Михаила Шолохова — разжигание розни или нет? По поводу клеветы, возведенной на русского классика, выдающийся норвежский исследователь нашей литературы Г.Хьетсо написал так: «Обвинение,

предъявленное Шолохову, можно считать уникальным: этот автор в такой степени является предметом национальной гордости, что бросать тень сомнения на подлинность его magnum opus «Илиады» нашего века, значит совершать деяние, близкое к святотатству».

И разве не то же самое, по-своему, совершает Сарнов? Давайте попытаемся вообразить, какой была бы его реакция, если бы подобное о внешности («всего лишь» о внешности) появилось где-нибудь по адресу не Шолохова, а, допустим, Бабея или Мандельштама: «ничтожество».

Может ведь возникнуть у кого-то эдакое «зрительное впечатление»?

О, нет, тогда вам скажут — «разжигание национальной розни». И уж такая поднимется свистопляска...

http://www.sovross.ru/2005/117/117_5_1.htm